

Археологический СБОРНИК

Погребальный обряд

Труды Государственного Исторического музея
Выпуск 93

Археологический СБОРНИК

Погребальный обряд

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
И.В. Белоцерковская

Москва
1997

Печатается по решению
Ученого совета ГИМ

Составители сборника:
кандидаты исторических наук
Н.Г.Недошивина, Е.Е.Филиппова, Н.И.Шишлина

Рецензенты:
доктор исторических наук *М.П.Абрамова*,
кандидат исторических наук *Т.Б.Попова*

Археологический сборник. Погребальный обряд.
Труды ГИМ. Вып. 93. М., 1997. 136 с. с илл.
ISBN – 5 – 7196 – 0909 –1

Сборник содержит статьи, рассматривающие погребальные обряды и погребальный инвентарь различных народов, начиная с бронзового века до эпохи Древней Руси. В материалах из раскопок отражены этническая история древнего населения, его социальная структура и идеологические представления. Публикуются каталоги археологических находок с их описанием и иллюстрациями.

Для археологов, историков и всех интересующихся историей нашей страны.

•

И.Р.Ахмедов

О МЕСТЕ ПОЯСНОГО И КОНСКОГО УБОРА И СНАРЯЖЕНИЯ ВСАДНИКА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

История изучения могильников эпохи переселения народов, расположенных в районе средней Оки, насчитывает уже более ста лет. С самого начала исследования культуры отмечалась частая встречаемость в погребениях деталей поясов и конской узды.

А.И.Черепнин первым выдвинул тезис о том, что пояс являлся неотъемлемой частью мужской одежды и описал некоторые из встретившихся ему при исследовании Борковского могильника поясов, отделив от них ремни, служившие для крепления обуви (1. С. 103–106). Им же была отмечена частая встречаемость конского убора в мужских погребениях Кузьминского могильника, что, по его мнению, являлось общей чертой для всех могильников (2. С. 238–239).

А.А.Спицын в своем обзоре материалов Кошибеевского, Борковского, Кузьминского могильников отметил для Кошибеевского могильника наличие поясов и предметов конского убора, как в мужских, так и в женских погребениях (3. С. 12, 20, 29–30).

Вопрос о социальной значимости поясного и конского убора был впервые поставлен П.П.Ефименко, предположившим, что наборные пояса и уздечки, положенные в погребения, должны были означать принадлежность погребенного к “свободным членам общины”, основным занятием которых, по его мнению, было конное пастушество. (4. С. 47, 51.)

Н.В.Трубникова, рассматривая два погребения с оружием, поясами и конским убором из Кошибеевского могильника, пришла к выводу, что погребенные занимали видное общественное положение и могли быть “родовыми старейшинами” (5. С. 109).

Р.Ф.Воронина, публикуя материал Никитинского могильника, указала, что его основ-

ной особенностью является “большой процент мужских погребений с мечами и конской сбруей”, иллюстрируя это положение таблицей, в которой сведены данные по семи могильникам. Однако эта таблица, к сожалению, неадекватно отражает вещевой состав погребений. К примеру, для Борковского, Гавердовского могильников автор указал отсутствие погребений со “сбруей”, что является ошибкой. Кроме того, в таблице помещены данные по Армиевскому могильнику, который не входит в число рязано-окских (6. С. 94–95. Табл. 1).

Ю.А.Зеленеев в своей работе, посвященной анализу погребального обряда и выделению основных моделей погребального обряда мордвы V–IX вв., предполагает, что поясные наборы помещались преимущественно в “богатые” мужские захоронения, объясняя это, вслед за М.Ф.Жигановым, тем, что богатство поясных наборов “подчеркивало знатность воинов” (8. С. 162; 7. С. 116–117).

Из вышеизложенного следует, что место поясного, конского убора и снаряжения всадника в погребальном обряде еще не получило необходимого детального изучения. Ниже представлена попытка предварительного рассмотрения материала по 10 могильникам, расположенным по рязанскому течению Оки, нижней Мокше и Цне. Данные по Шокшинскому могильнику не являются исчерпывающими в связи с продолжающимся исследованием памятника (таблица).

В большинстве мужских погребений (в 243 из 319) встречены предметы, относящиеся к поясному убору (табл., графы 3–6). Наиболее многочисленной является группа погребений, в которых предметы поясного убора встречены вместе с оружием – 119 погребений, меньшее количество погребений содержало в себе пред-

Предметы поясного убора, узды, оружия в рязано-окских могильниках

Могильники	1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кошибеевский	45	25	8	10	8	1	3	2	7	3	1	2
Польно-Ялтуновский	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Кузьминский	42	30	10	3	4	3	—	—	5	2	—	—
Борковской	37	31	18	11	4	—	—	—	—	—	—	—
Шатрищенский	64	48	37	11	12	—	—	—	2	1	—	—
Гавердовский	14	10	6	4	3	1	1	—	—	1	—	—
Кораблино	66	41	27	14	12	1	—	—	—	—	—	—
Ундрих	10	10	5	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Старокадомский	24	12	6	6	9	1	—	—	—	1	—	—
Шокшинский	16	15	2	13	—	—	1	—	—	1	—	—
В с е г о:	319	203	119	75	52	7	5	2	14	9	1	2

* 1 — всего мужских погребений; 2 — мужские погребения с оружием; 3 — мужские с оружием, поясными наборами отдельными пряжками; 4 — мужские с оружием, поясными пряжками, поясами, уздой; 5 — мужские с поясными наборами или отдельными пряжками; 6 — мужские с поясными наборами, отдельной пряжкой и уздой; 7 — мужские с уздой; 8 — женские с оружием; 9 — женские с поясом или отдельной пряжкой; 10 — женские с уздой; 11 — женские с оружием, предметами поясного убора, уздой; 12 — женские с предметами поясного убора и уздой

меты поясного убора, оружие, уздечные наборы — 75 погребений. Разница между этими группами объясняется тем, что погребения, где присутствует узда, относятся в основном к IV–V вв., для которых характерно максимальное распространение уздечных наборов в погребениях.

В комплексы этих погребений входят вещи, характерные для второй половины кошибеевского и начала борковско-кузьминского этапов существования культуры рязано-окских могильников, выделенных В.Н.Шитовым и датированных соответственно III–IV и V–VI вв. н. э., и для начала курмано-шокшинского этапа, т. е. для VII в. н. э., где встречаются вместе с поясными наборами “геральдического облика”.

Пояса и детали поясных уборов всегда находятся в районе таза погребенного и, как правило, расположены в порядке ношения. Лишь в одном случае (погребение 75 Кошибеевского могильника, раскопки А.А.Спицына) пояс был положен в изголовье покойного, рядом с окончанием копы и дротиком, а в районе пояса находилась поясная пряжка.

Наличие в 47 погребениях III–VII вв. двух пряжек или поясного набора и еще одной пряжки свидетельствует о том, что, вероятно, применялись два ремня — поясной, перехватывающий верхнюю одежду, и поддерживающий одежду в виде штанов.

В двух случаях поясные наборы встречены

в составе богатых жертвенных даров, помещенных в небольшие ямы на территории могильников (погребение 75, могильник Кораблино, “Приношение”, Гавердовский могильник), датирующихся концом IV — первой половиной V в. (9. С. 17; 10. С. 99, 101). В составе этих даров наряду с парадными, богатыми поясами находились богатые уздечные наборы в одном случае, и плетть, большое количество женских украшений при полном отсутствии оружия — в другом. Возможно, эти комплексы являются погребальными дарами воинам, погибшим в чужой земле и погребенным там без соблюдения традиций.

Интересным моментом является расположение конского убора внутри могильной ямы. Зафиксированы два основных места расположения конского убора и снаряжения всадника: в головах и в ногах погребенного.

Положение конского убора в изголовье погребенных, как правило, наблюдается в захоронениях III–V вв. (Кошибеевский, Борковской, Кузьминский, Гавердовский, Кораблинский могильники). Известен лишь один случай помещения удил в изголовье — в погребении VII в. (погребение 17, Старокадомский могильник) (11. С. 31)

Н.В.Трубникова считает, что положение уздечных наборов в изголовье характерно для сарматов и было заимствовано населением средней Оки (12. С. 79).

Положение конского убора в ногах погребенного характерно для захоронений VI–VII вв. (Борковской, Шатрищенский, Старокадомский, Шокшинский могильники). Исключение составляет Кузьминский могильник, где почти половина предметов конского убора находилась в районе пояса погребенных.

Необходимо отметить, что в погребениях, как правило, встречено лишь по одному предмету, относящемуся к конскому убору или снаряжению всадника. Лишь в двух комплексах известно по два предмета: в “Приношении” Гавердовского и в погребении 5 Никитинского могильников. В последнем вместе находились уздечный набор и плеть, автор раскопок объясняет это тем, что погребение было парным и богатым (6. С. 94). В “Приношении” Гавердовского могильника также находились плеть и уздечный набор, изготовленные в одном стиле. Важно отметить, что уздечный набор вместе с женскими украшениями был положен в берестяной туесок, а плеть — отдельно, на дно ямы.

В двух погребениях IV–V вв. могильника Кораблино (погребения 59, 80) не было удила, но были плети сложной конструкции, сделанные по позднесарматским образцам (13. С. 146–149), что свидетельствует о взаимозаменяемости элементов конского убора и предметов снаряжения всадника в качестве знаковых символов в системе погребального обряда. Подобная ситуация наблюдается в погребении 57 Кошибеевского могильника (раскопки В.Н.Глазова), где в составе инвентаря найдены две шпоры, но нет удила (14. С. 17).

Вероятно, помещение в погребение лишь одного предмета из конского убора или снаряжения всадника было достаточным условием для соблюдения погребальных обычаев рязано-окских племен. Очевидно, существовала взаимозаменяемость в погребальном обряде предметов, связанных с конным делом. Это свидетельствует о том, что помещение в погребения указанных предметов было устойчивым признаком и подобная взаимозаменяемость легко принималась окружающими, кроме того, достаточность одного предмета как символа принадлежности погребенного к конным воинам свидетельствует о заимствовании этого обычая. Выше уже говорилось, что большинство погребений с уздой относится к IV–V вв. и к VII в., для которых отмечено большое количество заимствованных элементов и в поясном уборе.

Интересным моментом является то, что в погребении 59 мыс-1 могильника Кораблино плеть была сломана в средней части рукояти и

две половины аккуратно положены рядом. Возможно, это была преднамеренная порча вещи, положенной в могилу, однако других примеров, подтверждающих это предположение, в рязано-окских могильниках не обнаружено.

На данном этапе исследования не прослеживается отражение в погребальном инвентаре различий в имущественном положении погребенных, что во многом связано с тем, что для культуры рязано-окских могильников еще не выработано твердых критериев, позволяющих изучить социальную структуру рязано-окских племен.

Важным является вопрос о женских погребениях с поясным убором и уздой. Большинство этих комплексов найдено в Кошибеевском могильнике. В семи погребениях находились пояса. Еще семь обнаружено в Кузьминском и Шатрищенском могильниках (см. табл., графа 9). Погребения с поясами Кошибеевского могильника датируются III–IV вв. н. э., поясные наборы включают в себя крупные пряжки, что могло быть результатом знакомства местного населения с бытовавшей в Прикамье модой на женские пояса с крупными эполетообразными застегками (15).

В Кошибеевском могильнике обнаружено одно погребение, в котором женщина погребена вместе с оружием, поясом, уздечным набором (см. табл., графа 11). Очевидно, это захоронение женщины-“амазонки”, принимавшей участие в боевых действиях. Кроме того, там же обнаружены два погребения женщин с оружием, три с уздой, два с поясным убором и уздой. В Кузьминском могильнике обнаружены два женских погребения с уздой, в Шатрищенском и Гавердовском — по одному.

Все эти погребения относятся к IV–V вв., и, очевидно, наличие этих предметов в женских погребениях объясняется сложной военно-политической обстановкой того времени (14. С. 25).

Для VII в. известно лишь одно погребение женщины, в котором находился уздечный набор (погребение 17, Старокадомский могильник).

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что наличие поясных наборов в мужских погребениях рязано-окских могильников является устойчивой деталью погребального обряда. Погребения с поясами и оружием составляют подавляющее большинство. К этой же группе относятся погребения с оружием, поясами и конской уздой. Таким образом, доля мужских погребений с упомянутыми предметами составляет более двух третей всех мужс-

ких захоронений (см. выше). Все это свидетельствует о том, что пояс, оружие, узда играли важную роль в жизни финно-угорского населения среднего течения Оки. Отсутствие антропологических характеристик по всем рязано-окским могильникам не позволяет провести достоверный анализ возрастной принадлежности погребенных с рассматриваемым набором вещей, однако наблюдения, сделанные в процессе исследования могильника Кораблино, позволяют предположить, что погребения с отдельными пряжками являются погребениями подростков, а погребения с поясами, оружием, уздой — взрослых воинов-мужчин.

Интересен вопрос о помещении в погребения предметов конского снаряжения и предметов снаряжения всадника. Наибольшее количество этих погребений относится к IV–V вв. н. э. Подобное явление связано с усилением контактов со степным миром вследствие дальнейшего продвижения на север границ расселения позднесарматских племен и изменения общей ситуации в степном мире в результате гуннского вторжения.

Так, в погребении 39 Кошибеевского могильника (раскопки А.А. Спицына) встречены удила с псалиями, имеющие аналогии в памятниках Северного Кавказа и лесостепной зоны России (16. С. 64–67; 17. С. 246). Плетки из могильника Кораблино также имеют позднесарматские аналогии (13. С. 146–149). Уздечный набор из погребения 72 могильника Кораблино изготовлен с применением бронзовых обойм, что характерно для позднесарматских изделий (в частности, из Ново-Никольского и Вязовского могильников, расположенных в Липецкой области, непосредственно вблизи Рязанской) (18. С. 152).

На рубеже IV–V вв. в погребениях появляются фибулы различных типов, характерные для культур, пограничных с позднеримскими провинциями (14. С. 12, 10). К этому времени относится наибольшее разнообразие предметов конского убора и снаряжения всадника. Встречены и уздечные наборы, и плетки, и шпоры. Более того, именно в это время начинается создание общего стиля украшений поясов, узды и плетей, что ярко прослеживается в комплексе “Приношения” из могильника Гавердово (9. С. 14). Вероятно, в это время указанные предметы становятся необходимыми аксессуарами мужчины-воина. Необходимо отметить, что все известные автору богатые уздечные наборы этого времени встречены в могильниках в единичных экземплярах (Кузьминский, Борковской, Кораблино, Гавердово, Заречье, Ундрих, Кур-

ман). Это позволяет предположить, что владелец такого уздечного набора занимал особое положение в социальной структуре общества.

А.В. Селиванов считал, что наличие в погребениях предметов конского убора свидетельствует о присутствии в составе населения Средней Оки в I тысячелетии н. э. кочевого, “возможно, тюркского” элемента (19. С. 14–15). Однако среди погребений не встречено ни одного, которое можно было бы с уверенностью отнести к степному миру. Допустимо говорить лишь о контактах со степью, о наличии которых свидетельствует присутствие в составе комплексов украшений поясных наборов “геральдического” облика удил с восьмеркообразными концами, псалий, однолезвийных мечей с Р-образными скобами для подвешивания. Косвенным доказательством существования этих контактов является богатое погребение кочевника VII в. у с. Арцыбашево Скопинского района Рязанской области (20. С. 85–89; 21. С. 207–212).

П.П. Ефименко писал о том, что в засыпи погребений встречаются кости, особенно черепа лошадей, от которых “вследствие плохой сохранности” остались лишь зубы (4. С. 47). Однако в процессе работы не удалось найти ни одного примера, подтверждающего этот тезис.

Редкая встречаемость предметов конского убора в погребениях VI в. свидетельствует о том, что употребление конского убора в погребальном обряде было привнесенным элементом, откликом на степные обычаи и не было органичным для местного населения. Подобная картина наблюдается и в финно-угорских могильниках Посурья, в частности в Армиевском, где практически нет конского убора V–VI вв., но в VII в. вместе с поясами “геральдического” облика появляются и удила степных типов (22. Рис. 124–126; 23. Рис. 22, 24, 28). Примечательно, что в этих комплексах присутствуют и однолезвийные мечи-палаши, характерные для степного мира (24. С. 15).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наличие в погребальном обряде рязано-окских могильников комплекса: оружие, поясной убор, конский убор, — тесно связано со степенью участия местного населения в контактах со степным миром и является отражением степной, “воинской” моды. Подобная ситуация прослеживается и в других районах финно-угорского мира, в частности в Прикамье (15. С. 25). Прослеживается следующая динамика развития этих контактов: в IV–V вв. — тесные связи со степью, отражение неустойчивой обстанов-

ки в степном мире, возможно, некоторая ин-
фильтрация степного населения; в VI в. — ос-
лабление контактов со степью; в VII в. — но-

вый сильный культурный импульс из степной
зоны, наблюдаемый в западной части среднего
Поволжья вплоть до конца I тысячелетия.

1. *Черепнин А.И.* Местная старина. Борковской
могильник // ТРУАК. Рязань, 1895. Т. IX, вып. 2.

2. *Черепнин А.И.* Местная старина. Борковской
могильник // ТРУАК. Рязань, 1896. Т. X, вып. 3.

3. *Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и
Камы // МАР. СПб., 1901. 25.

4. *Ефименко П.П.* К истории Западного Повол-
жья в I тысячелетии н. э. по археологическим ис-
точникам // СА. М., 1937. II.

5. *Трубникова Н.В.* Некоторые погребения Ко-
шибеевского могильника и черты общественного
строения того времени // Исследования по археологии
и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯ-
ЛИЭ. Саранск, 1970. Вып. 39.

6. *Воронина Р.Ф.* Финский могильник у с. Ни-
китино // КСИА. М., 1986. Вып. 183.

7. *Жиганов М.Ф.* К истории мордовских племен
в конце I тысячелетия н. э. (Могильник у погребе-
ния Заря) // СА. 1961. 4.

8. *Зеленев Ю.А.* Основные модели погребаль-
ного обряда мордвы V—XI вв. // Новые источники
по этнической и социальной истории финно-угров
Поволжья I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Йошкар-Ола,
1900.

9. *Ефименко П.П.* Ивановский и Гавердов-
ский могильники древней мордвы // Материалы по
археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИ-
ИЯЛИЭ. Саранск, 1975. Вып. 48.

10. *Ахмедов И.Р.* Из истории конского убора и
предметов снаряжения всадника рязано-окских мо-
гильников // Археологические памятники среднего
Поочья. Рязань, 1995.

11. *Шитов В.Н.* Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Труды МНИ-
ИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 85.

12. *Трубникова Н.В.* Кошибеевский могильник и
его место в этнической истории междуречья Оки и

Волги в первых столетиях н. э. // Происхождение
марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

13. *Ахмедов И.Р.* Плетни из могильника Корабли-
но // Древности Северного Кавказа и Причерномо-
рья. М., 1991.

14. *Шитов В.Н.* Кошибеевский могильник (По
материалам раскопок В.Н.Глазова в 1902 г.) // Вопр.
этнической истории мордовского народа. Труды
МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 93.

15. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III—V вв.
// ВАУ. Ижевск, 1963. 5.

16. *Кантемиров Э.С.* Погребение сарматского
воина II—I вв. до н. э. у с. Куртат СО АССР // Ан-
тичные государства и варварский мир. Орджоникид-
зе, 1981.

17. *Гущина И.И.* Случайная находка в Воронеж-
ской области // СА. 1961. 2.

18. *Медведев А.В.* Сарматы и лесостепь. Воронеж,
1990.

19. *Селиванов А.В.* О древнейшем населении
приокского района, предшествовавшем славянской
колонизации // Труды III обл. ист.-археол. съезда.
Владимир, 1909.

20. *Крейтон В.Н.* Случайная находка могилы всад-
ника близ Арцыбашево в Скопинском уезде Рязанс-
кой губернии // ТРУАК. Рязань, 1905. Т. XX, вып. 1.

21. *Там же.* Рязань, 1905. Т. XX, вып. 2.

22. *Рыков П.* Культура древних финнов в районе
р. Узы. Саратов, 1930.

23. *Полесских М.Р.* Армиевский могильник // Археол.
памятники мордвы первого тысячелетия
нашей эры. Саранск, 1979.

24. *Амброз А.К.* Восточноевропейские и сред-
неазиатские степи V — первой половины VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средне-
вековья. М., 1981.